

Г.И.Юсупова,
Э.А.Гаджиев

МЕЖЭТНИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ В УСЛОВИЯХ СОЦИАЛЬНЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ

За последнее десятилетие именно на Северном Кавказе Россия столкнулась с наиболее сложными проблемами государственного строительства в силу многонационального состава населения, отсутствия концептуальной проработки вопросов государственного регулирования межнациональных конфликтов. Здесь наиболее наглядно проявились попытки создания плацдармов для усиления самостоятельности и легитимизации сепаратистских устремлений.

Сложная ситуация в Северо-Кавказском регионе обусловлена во многом рядом накопившихся на протяжении десятилетий противоречий прежде всего территориального, межнационального и религиозного характера, многие из которых, достигнув своей критической отметки, оказывают крайне негативное воздействие на ход развития ситуации. По мнению большинства исследователей, межнациональные конфликты в регионе связаны как с существующими различиями в уровнях социально-экономического развития субъектов региона, так и с социальными трансформациями на всем постсоветском пространстве и возрастанием роли социально-культурного аспекта в общественном развитии.

Если рассматривать Россию как открытую систему, часть постсоветского пространства, часть мирового сообщества, то Северо-Кавказский регион - это подсистема в рамках России. Для всех этих систем характерными являются процессы глобализации и локализации. Мы рассматриваем социальные трансформации как проявление глобальных мировых изменений, а межэтнические конфликты – как проявление процессов локализации, и именно внутриэтнического развития, национальной самоидентификации.

Состояние межнациональных отношений в такой полиэтнической стране, как Россия, не может не влиять на все стороны жизни общества, так как национальный вопрос является необходимым элементом формирования гражданского общества.

«Думается, никто не станет отрицать, что национальный вопрос – один из самых сложных вопросов в истории Российского государства, на который далеко не всегда находился адекватный ответ. В ходе любой попытки решения конкретных проблем развития России, идет ли речь о сферах экономики, культуры, образования, внутренней или внешней политики, практически всегда приходится сталкиваться с вопросами межнациональных отношений, а также федеративного устройства нашего государства. И это естественно: ни одно сколько-нибудь важное дело в России невозможно решить без учета многонационального характера страны»(8.С.81).

На Северном Кавказе проблемы межэтнического развития и взаимодействия приобрели в период социальных трансформаций наиболее конфронтационный характер.

Оценивая этнополитические процессы в регионе, Р.Абдулатипов подчеркивает, что за сравнительно короткий исторический период, совпавший с радикальными российскими трансформациями, народы региона пережили немало трагических моментов. Соответственно, Северный Кавказ сконцентрировал в себе целые пласты исторически накопившихся проблем-страхов, обид и новых претензий.

Демократические реформы российского общества последних лет впервые, может быть, в истории создали для народов России, а значит и Кавказа, условия для раскрепощения национальной энергии. Но эта энергия нередко оказывается направленной в сторону реанимации взаимных обид и претензий. Этим пользуются националистические и экстремистские силы, которые вместе с криминальными структурами держат ситуацию на Кавказе в состоянии ползучих конфликтов. Плюс к этому и совершенно непродуманная, порой безграмотная, научно и экспертно не обеспеченная деятельность федерального центра в регионе(1.С.65).

В современной России в результате социально-экономических и политических трансформаций появились новые сферы деятельности, социальные слои и формирующиеся классы. Усилилась социальная поляризация, существенно обострилась социальная конкуренция. Углубилась региональная дифференциация в стране.

В настоящее время в РФ установлен единый подход к определению доли малоимущего населения, т.е. той части населения, денежные доходы которого не

превышают официальный прожиточный минимум. Согласно ст.4 Федерального закона «О прожиточном минимуме в Российской Федерации», величина прожиточного минимума определяется ежеквартально на основании стоимости потребительской корзины с учетом данных государственной статистики и устанавливается правительством РФ в целом по России, а по регионам органами исполнительной власти субъектов РФ. По итогам 4-го квартала 2003 г. в России он составил 2143 руб. на душу населения в месяц.

В регионах ЮФО прожиточный уровень ниже, чем в целом по стране. В указанный период он находился в пределах от 1535 руб. в Северной Осетии, что является абсолютным российским минимумом, до 2026 руб. в Ингушетии(15.С.35). Таким образом, по величине прожиточного минимума субъекты ЮФО могут считаться самыми «дешевыми» в стране.

Уровень бедности (доля малоимущего населения) выше, чем в целом по России. В 2002 г. он незначительно отличался от среднероссийского в Волгоградской, Астраханской, Ростовской областях (25,5;26,2;26,6 % соответственно против 24,2 по стране), наиболее высока доля малоимущего населения в Ингушетии, Калмыкии и Дагестане (88,0; 58,0; 59,4 соответственно). Уровень бедности в Чеченской Республике официально не рассчитывался, но можно предположить, что его показатель столь же значительно превышает среднероссийские данные.

В последние годы удельный вес малоимущих в общей численности населения России ежегодно сокращается. Если в 2001 г. к таковым относилось 27,3% населения, то в 2002 г.

– 24,2, в 2003 г. – 20,4%. Аналогичная ситуация наблюдалась и в регионах ЮФО. При этом в промышленно развитых регионах округа – Краснодарском и Ставропольском краях, Астраханской, Волгоградской и Ростовской областях, а также в Республике Калмыкия выросла дифференциация населения по уровню денежных доходов, а в северокавказских республиках наблюдается некоторое сокращение экономического расслоения населения (15. С.38).

Численность безработных на 1 июля 2004 г. в ЮФО, по данным обследования населения по проблемам занятости, составила 1272 тыс.человек, а количество зарегистрированных безработных государственной службой занятости – 539,9 тыс.человек. В Республике Дагестан соответственно 215 тыс. и 55,9 тыс. человек. В Чеченской Республике было официально зарегистрировано 334,5 тыс. безработных (10).

По данным Комитета государственной статистики Республики Дагестан, к концу августа 2004 г. в органах государственной службы занятости состояло на учете 56,5 тыс.человек, из них 55,2 тыс. человек имели статус безработного, что на 3,1% выше соответствующего периода 2003 г. (14.С.135).

Данные статистики, к сожалению, подтверждают, что социальная дифференциация углубляется и приобретает регионально-этнический характер. В то же время в социальной политике российского государства этнический принцип не учитывается. «Произошло это не только потому, что Россия стала этнически более однородным государством, а этнические проблемы стали часто восприниматься обществом как проблемы взаимоотношений с мигрантами, но и потому, что в общественном мнении утвердилось представление, что политика социальной поддержки, так называемого патернализма не дала эффекта сохранения Союза и предотвращения насильственных конфликтов» (13.С.8–9).

Этнонациональное самочувствие человека и общества, по мнению Р.Г.Абдулатипова, – наиболее глубинный индикатор сути социально-политических изменений, которые происходят в обществе. Этнонациональные различия как сущностные качества социально-политических процессов, при всем их различии и самобытном проявлении, в конечном итоге могут иметь одну и ту же природу.

Этнонациональные особенности – это прежде всего своеобразие социального творчества и мировосприятия конкретных общностей людей, это различия восприятия и понимания, а следовательно отношения конкретных этнонаций к тем или иным изменениям в обществе. Различия в сфере этнонациональных отношений естественны, не нужно обходить их или культивировать как форму самобытности. И противоречия должны согласовываться для достижения общих подходов. Неучтенные различия и несогласованные интересы значат неснятые противоречия, которые и приводят к этнонациональным конфликтам. А в условиях многонациональности они тут же обретают этнополитический характер (2.С.235–236).

В современной России этнонациональная политика, судя по принятым документам – законам «О национальной культурной автономии», «О коренных малочисленных народах», Концепции государственной национальной политики, Концепции

национальной безопасности Российской Федерации и др., – и по действиям администрации В.В.Путина, по мнению зарубежных аналитиков, будет скорей всего определяться как политика мультикультурализма. Она предполагает концентрацию внимания не на развитии народов, не на рефлексии этих процессов, а на идеологии интеграции полиэтнического общества, стратегии стабильности, политического и культурного равноправия и согласия, что характерно для многих других индустриальных стран.

Нельзя не учитывать и того фактора, что на Северном Кавказе сталкиваются национальные интересы России и интересы мировых держав. Если рассматривать Северный Кавказ как политический субъект, то он тоже имеет соответствующие интересы как в России, так и на мировой арене. Обеспечение этнополитической безопасности Юга России (в том числе и Республики Дагестан как самого южного региона страны) возможно лишь на основе достижения баланса между общероссийскими национальными интересами и интересами проживающих на территории России народов.

Возрастание роли этнополитики как системы стабилизации и устойчивого развития - закономерность нашего времени. Если рассматривать этнополитику как способ достижения паритета интересов нескольких уровней: человека, его этнонациональной и иной общности, общества, многонационального народа, государства в целом (Абдулатипов Р.), то совершенствование этнополитики будет способствовать гармонизации всей системы межличностных отношений в обществе.

Одной из актуальных задач политологии, этнологии является изучение современных этнополитических процессов, включая исследование межличностных контактов и конфронтационных способов взаимодействия этнических групп. При объективном анализе этнополитических процессов необходимо учитывать и такой фактор, что в нынешних условиях этнонациональные отношения оказываются удобной сферой для канализации социальной энергии, направленной на поиск выхода из экономических трудностей. А наблюдаемая на этом фоне резкая активизация национальных элит, почувствовавших «вкус» участия в реальном политическом процессе, их радикализация способствуют втягиванию этнических групп в процесс перераспределения власти, раскрыванию центробежных тенденций, провоцированию конфликтных ситуаций.

Хотя существует и такая точка зрения, что выход энергии социального недовольства через межэтнический фактор в определенной степени обеспечивает относительную стабильность в условиях многонационального общества.

После распада СССР вряд ли возможно переоценить роль и значение Северного Кавказа в современном развитии России. Особое место занимает регион в национальной политике Российской Федерации. Объясняется это, в первую очередь, спецификой территориального расположения региона. В силу этого обстоятельства Северный Кавказ отличается своеобразием в геополитическом, геостратегическом, этнонациональном и конфессиональном отношении.

С полной уверенностью можно признать факт, что в межэтнических отношениях существуют как дезинтеграционные, так и интеграционные процессы, которые зависят от определенных причин.

На этнополитическую ситуацию в регионе, в том числе и в Дагестане, влияют как внешние, так и внутренние факторы, на воздействие которых реагируют соответственно либо интеграционные, либо дезинтеграционные процессы в регионе.

Несомненно, что стратегические интересы мировых держав заключаются в усилении дезинтеграционных процессов, что привело и в дальнейшем будет приводить к ослаблению России.

Северный Кавказ и Закавказье всегда были и остаются регионом, где сталкиваются стратегические интересы мировых держав. И сегодня, как и раньше, это по-прежнему зона острого экономического и политического соперничества, в которой четко просматриваются геополитическая и геостратегическая линии, направленные на ослабление здесь российского влияния.

Естественно, что глобальные геополитические и геостратегические изменения в регионе обусловлены прежде всего распадом Советского Союза. Биполярная система международных отношений, возникшая после Второй мировой войны, уступила место монополярной системе. Влияние внешних факторов, таким образом, усиливает напряженность этнополитической и социально-политической ситуации в регионе.

На наш взгляд, сложность этнополитической ситуации в регионе объясняется также и внутренними факторами. Ясно, что усиление действия центробежных сил происходит при ослаблении позиций центра.

Происходящие на всем постсоветском пространстве трансформационные процессы отличаются на территории Северо-Кавказского региона по меньшей мере двумя обстоятельствами: 1) высоким уровнем полиэтничности; 2) напряженным социально-политическим фоном.

Рост этнического, конфессионального, территориального сепаратизма стал следствием кризиса государственности, ослабления центральной власти, общего снижения легитимности системы.

Оценивая разнообразные факторы, придающие особую напряженность ситуации на Северном Кавказе, специалистами одним из наиболее важных признается принцип национально-территориального устройства, доставшийся в наследство Российской Федерации. Изначально спорный характер национально-территориального размежевания народов, проводившийся с нарушениями исторических и этнических реалий, привел к современным межэтническим конфликтам, дестабилизирующим этнополитическую ситуацию в регионе.

На сегодняшний день на Северном Кавказе можно выделить около десяти территорий, на которые одновременно претендуют два титульных народа. При этом разделенными межгосударственными границами оказались две северокавказские народности – осетины, проживающие во входящей в состав Российской Федерации Северной Осетии и в самопровозглашенной Республике Южная Осетия в Грузии, а также и лезгины, проживающие компактно в Южном Дагестане и Северном Азербайджане.

В результате административного деления, проведенного еще в дореволюционной царской России, оказались разделенными такие, к примеру, дагестанские народы, как ногайцы, цахуры, аварцы, лезгины. Распад СССР, сопровождавшийся резким ухудшением экономической ситуации, разрывом единого юридического пространства, вооруженными конфликтами, усугубил проблемы народов. Оказавшись в разных государствах, разделенные народы крайне болезненно относятся к своему нынешнему положению. Не случайно требование объединения народов, оказавшихся в состоянии разделенное™ государственными и административными границами после распада СССР, было взято на вооружение лидерами некоторых национальных движений в начале девяностых годов прошлого века (таких как «Бирлик», «Садвал», сами названия которых в переводе означают единство). К примеру, в 1992 г. лезгинское национальное движение «Садвал» организовало массовое выступление лезгин с требованием создания единой республики Лезгистан в составе Российской Федерации.

Некоторые северокавказские народы оказались разделенными внутренними (межреспубликанскими) границами. Расселенные в основном на равнине и лишь отчасти в предгорной зоне кабардинцы, черкесы и адыгейцы составляют единую этническую зону адыгов: эти народы очень близки между собой по языку и культуре. Близкородственными народами являются живущие в горах балкарцы и карачаевцы, говорящие на едином языке. В трех субъектах Российской Федерации – Адыгее, Карачаево-Черкесии и Кабардино-Балкарии проживают на сегодняшний день адыги; в Республике Дагестан, Карачаево-Черкесии и Ставропольском крае – ногайцы.

Таким образом, следует признать, что изначально спорный характер национально-территориального размежевания народов стал одной из причин межнациональных конфликтов на постсоветском пространстве.

Во всем многообразии межнациональных конфликтов на Северном Кавказе можно выделить еще одну большую группу конфликтов, вызванную репрессивной политикой государства в отношении ряда народов региона в прошлом и ее последствиями в условиях общего нарастания межэтнической напряженности.

Проблема реабилитации репрессированных народов, особенно территориальной реабилитации, оказалась одной из самых взрывоопасных. На наш взгляд, именно эта проблема на фоне непродуманной, неадекватной политики центра во многом инициировала последующие события в Чеченской Республике, ставшие наиболее реальной угрозой не только для безопасности, но и целостности Российской Федерации.

Первым крупным этнополитическим конфликтом на Северном Кавказе стал осетино-ингушский конфликт. Истоки его относятся к 1944 году. 31 января 1944 г. было принято постановление ГКО СССР о выселении чеченцев и ингушей, согласно которому около 100 тысяч ингушей было выслано в Казахстан. Была ликвидирована Чечено-Ингушская АССР.

Вооруженный конфликт 1992 г. вызвал массовый исход из Северной Осетии в Ингушетию ингушского населения. Военные действия на территории Чеченской Республики вызвали еще один массовый миграционный поток. В 1999 г. Миграционной

службой Ингушетии было зарегистрировано более 150 тысяч вынужденных переселенцев (русских, чеченцев, армян, ингушей, татар) из Чечни.

Рост количества мигрантов, беженцев и вынужденных переселенцев увеличивает этнополитическую напряженность в регионе. С другой стороны, следует признать, что усиление темпов и объема миграции населения – одна из основных характеристик современного процесса глобализации.

Самым разрушительным конфликтом на территории бывшего Советского Союза стала чеченская война, явившаяся испытанием единства территории России в ее постсоветских границах.

Чеченский конфликт имел далеко идущие последствия для развития ситуации как на Северном Кавказе, так и на всем Кавказе, поскольку его значение выходит далеко за рамки сугубо внутрироссийских проблем.

Как считает Э.И. Скакунов, несмотря на специфику каждого из действующих на постсоветском пространстве политических конфликтов, все они выражают собой активизировавшийся в стране с середины 80-х годов процесс социокультурного, политического и экономического развития как очередной этап модернизации – движения общества от традиционной к современной цивилизации. Модернизация – процесс неодновременный для различных этнических и социальных групп. Угроза стабильности, а соответственно и безопасности общества заключается в том, что в реальности проблема усложняется, так как в каждый конкретный момент не только отдельные государства, но и их составные части – особенно в таких социо и этнокультурно разнородных странах, как Россия, – находятся на различных уровнях цивилизационного развития, соответственно ориентированы на разные системы социокультурных ценностей (12.С.6).

По мнению Н.Н. Моисеева, по мере усложнения организации систем происходит одновременно ускорение процессов развития и понижения уровня их стабильности (7.С. 10), естественно, что возрастает угроза как внутренней, так и внешней безопасности системы.

Именно в Чеченской Республике получили наиболее сильное проявление тенденции национализма, регионального сепаратизма и религиозного фанатизма на фоне массового насилия и терроризма.

Опасность ситуации в Чечне состояла в тесном переплетении этнополитического и религиозного сепаратизма, переходящего в этнополитический и политико-религиозный экстремизм вкупе с политическим авантюризмом, непоследовательностью и непрофессионализмом предпринимаемых прежде всего со стороны федерального центра мер урегулирования (Абдулатипов Р.Г.).

Более радикальную позицию занимает А. Малашенко, считая, что чеченский конфликт находит отклик во всем мусульманском мире, «частность» чеченского конфликта отнюдь не свидетельствует о его якобы «второразрядности». Война в Чечне стимулировала не просто исламское возрождение в сопредельных регионах, она определила высокую степень политизированности исламского ренессанса, его конфронтационность, превратила исламский фактор в фактор дестабилизации Юга России, а также всего Кавказа. А. Малашенко пишет, что значение «исламской угрозы сознательно преувеличивалось российским истеблишментом, в особенности его военной фракцией. «Зато мало кто обращает внимание на то обстоятельство, что чеченский конфликт явился болезненной «прививкой» против сепаратистских эксцессов и предупреждением против религиозного экстремизма, поскольку стало очевидно, что за джихад придется платить чрезвычайную, неоправданно высокую цену» (5.С. 13).

Еще более усугубило ситуацию, окончательно сорвав хрупкую надежду на политическое решение проблемы, вторжение экстремистских группировок со стороны Чечни на территорию Дагестана. Следует отметить отличие военных действий в Дагестане от войны 1994–1996 гг. в Чечне. Здесь военные действия происходили при поддержке подавляющего большинства населения республики, в боевых действиях принимали участие отряды местного вооруженного ополчения.

Расчеты чеченских боевиков на дестабилизацию ситуации в республике, захват власти своими сторонниками, обеспечение выхода к морю через территорию Дагестана и создание в перспективе единого теократического государства не оправдались. Именно события 1999 г. представляли наибольшую угрозу для безопасности РД.

В последние годы стратегия федеральных властей в отношении чеченского конфликта определялась двумя основными направлениями:

- 1) действия по ликвидации очагов терроризма и конкретных бандформирований;
- 2) создание и укрепление в республике органов власти.

Любой конфликт, в том числе и чеченский, обусловлен внутренними и внешними причинами. Следует признать, что в данном случае внутренние причины были определяющими.

«Исламизация» конфликта в Чечне имела реактивный характер, внешний же фактор, при всем том, что с середины 90-х годов его роль стала сравнительно заметной, тем не менее был вторичен. Вовлеченность в Чечню внешних сил была следствием развития ситуации внутри. Более того, внешнее влияние играло на руку российским политическим лидерам и особенно военным, ибо на него можно было списывать собственные просчеты, потери, а также неспособность – а, возможно, и нежелание – добиться скорейшего разрешения конфликта (б.С.80–81).

Таким образом, если рассматривать этнополитическую ситуацию на Северном Кавказе, с точки зрения безопасности государства наибольшую угрозу для него представляли именно два описанных выше конфликта – осетино-ингушский и чеченский и их последствия.

Сложность данных конфликтов усугубилась тем, что они протекают на фоне трансформации экономической, политической, социальной, духовной сфер общества, становления новых государственных и общественных структур.

Социальные трансформации накладывают отпечаток на межэтнические и межконфессиональные отношения. Стремление этнических и религиозных элит принять участие в разделе собственности, получить доступ к политическому влиянию, власти также явилось одной из причин межэтнических конфликтов.

Социальная система – это открытая слабоорганизованная система. Устойчивость системы определяется как нормальным функционированием ее внутренних составляющих, их стабильностью, так и влиянием внешних факторов. Хроническая военно-политическая нестабильность последнего десятилетия на Северном Кавказе, обусловленная межэтническими конфликтами (о которых говорилось выше), не могла не сказаться на этнополитической безопасности Республики Дагестан.

Актуальность и важность исследования проблем безопасности обусловлена реалиями наших дней, для которых характерными стали военные столкновения, террористические акты, действия организованной преступности, последствия стихийных и техногенных чрезвычайных происшествий, межэтнические и межконфессиональные конфликты, социальные трансформации. Можно выделить несколько современных подходов к исследованию различных аспектов и разработке концепций безопасности в условиях глобализации: безопасность и трансформирующееся общество, безопасность и концепция устойчивого развития общества, приоритетная роль интересов человека при рассмотрении проблемы безопасности.

С точки зрения системного подхода, безопасность – это такое состояние системы, когда существуют внешние и внутренние предпосылки ее нормального функционирования, т.е. сохраняется устойчивое развитие системы, обеспечивается защита от внутренних и внешних угроз.

Безопасность – это состояние устойчивого функционирования и воспроизводства социального объекта (субъекта), поддерживаемое с помощью особо организованной институциональной среды. Феномен безопасности можно рассматривать также как форму взаимодействия между системой и средой в терминах вызов-ответ, стимул-реакция. Они показывают, что зачастую существует временный «зазор» между возникновением угрозы и действиями по ее устранению. Следовательно, очевидна возможность прогноза (включая динамическую оценку как состояния самого объекта, так и его среды) для обеспечения безопасности системного объекта. Эти аспекты указывают на принципиальную возможность повышения степени рациональности при принятии решений о безопасности социальных объектов различных уровней или соответственно на механизм последовательной институционализации этого состояния.

«В недалеком прошлом под безопасностью понимали защиту страны от нападения врагов, шпионажа, покушений на государственный строй. Со второй половины XX в. стали учитывать демографические, техногенные и экологические факторы. В 90-е годы большую роль стали играть новые параметры безопасности, которые связаны с экономическим и финансовым положением стран, научно-технической революцией, развитием информационных и коммуникационных систем, трансграничной преступностью, международным терроризмом, торговлей наркотиками и оружием, незаконной миграцией, войнами, спровоцированными по заказу тех или иных политических сил» (4.С. 149).

Принято выделять следующие основные уровни обеспечения безопасности: личная, индивидуальная, государственная, национальная, международная, глобальная, коллективная, групповая.

В научный оборот все чаще входят словосочетания, в которых безопасность формулируется в рамках крупных сфер деятельности человека и общества. То есть, наряду с безопасностью международной, национальной, региональной, коллективной и индивидуальной, выделяют безопасность политическую, экономическую, военную, социальную, экологическую, гуманитарную, демографическую, информационную и т.д.

Безопасность – главный интерес государств в настоящее время. Все отношения между народами концентрируются вокруг проблем обеспечения взаимной и равной безопасности.

В общем смысле национальная безопасность каждой страны включает в себя безопасность политическую, экономическую, военную, экологическую, информационную и т.д.

«Система национальной безопасности любой страны выступает составной частью системы региональной и национальной безопасности. С учетом современной взаимозависимости государств, экономик и культур безопасность отдельного государства все в большей мере определяется не только внутренними, но и внешними факторами, прежде всего состоянием глобальной безопасности» (9.С.18-19).

П.А. Цыганков считает, что «понятие безопасности тесно связано с категорией «национальные интересы». Более того, первое является производным от второй. Национальная безопасность призвана, прежде всего, обеспечить гарантии неуязвимости основных, жизненно важных интересов – национального суверенитета, территориальной целостности государства – нации, защиты его населения, т.е. таких интересов, ради достижения которых оно скорее согласится воевать, чем пойдет на компромисс. Иначе говоря, национальная безопасность – это стратегия, направленная на обеспечение жизненно важных интересов государства – нации. Таков классический, реалистический подход к проблеме» (16.С.320-321).

Стратегия безопасности должна быть направлена на предотвращение конфликтных ситуаций. Безопасность общества определяется внутренним равновесием составляющих его элементов, их пропорциональностью, соотношением.

Если применить к категории безопасности принцип системного синтеза, то система безопасности в глобальном общечеловеческом масштабе, складывающаяся из безопасности отдельных стран, регионов (вертикальный срез), включает в себя в горизонтальном аспекте безопасность экономическую, социальную, экологическую, энергетическую, культурную, информационную и т.д.

Специфика обеспечения национальной безопасности Юга России обусловлена, на наш взгляд, двумя характерными особенностями. Первая – геополитическое положение региона. Большинство исследователей рассматривают Северный Кавказ как своеобразный геополитический перекресток, «солнечное сплетение Евразии». Эта особенность в наибольшей степени определяет характер внешнеполитических факторов обеспечения безопасности региона. Вторая характеристика – этнополитическая специфика региона. Именно здесь произошли наиболее серьезные конфликты в межэтнической сфере. Соответственно здесь сохраняется реальная угроза целостности и безопасности России, так как сохраняется противоречие между процессами глобализации в межэтнической и культурной сферах и процессам этнической мобилизации и локализации. Поэтому система национальной и региональной безопасности должна включать этнополитическую безопасность.

Юг России является наиболее взрывоопасным регионом российского геополитического пространства. Именно здесь наиболее своеобразно проявляется историческая матрица геополитических закономерностей (Д.В. Кротов). Проблемы безопасности Юга России в свете новых геополитических реалий исследуют В.А Тишков, С.Н. Епифанцев, Д.В. Кротов, Л. Перепелкин, К.С. Гаджиев, М.А. Гусейнова, З.С. Арухов, Ш.К. Шахов и другие. Рассматриваются различные аспекты безопасности Юга России, специфика и основные тенденции трансформации этнополитических процессов в регионе.

Прежде всего следует отметить трансформацию самого понятия безопасность. Так, сегодня большинство исследователей придерживается точки зрения, что большая часть современных вызовов и угроз как международной, так и национальной безопасности требует для своего решения новых, главным образом невоенных подходов. Это относится не только к решению экономических проблем и проблемы деградации окружающей

среды, но и к совместному поиску правового разрешения противоречия между стремлением к самоуправлению и групповой самоидентификации и сохранением целостности государств, между ростом сепаратизма и нерушимостью границ, между стремлением субнациональных групп и регионов к суверенитету и суверенитетом нации – государства, частью которого они являются. В этом отношении нельзя не согласиться с выводом о том, что «война создает больше проблем, чем она может решить» (16.С.334).

Борьба с этническим, религиозным радикализмом, терроризмом, организованной преступностью и коррупцией, обеспечение экономической, этнополитической, социальной, информационной безопасности являются приоритетными направлениями для современной России.

Сегодня в Дагестане любая проблема экономического, социального, политического, правового, культурного развития так или иначе проецируется на вопросы национального развития, взаимодействия народов. Вопросы национальной политики тесно переплетены с социально-экономической и культурной политикой. Межэтнические отношения становятся особенно конфликтными в условиях происходящих в стране социальных трансформаций. В то же время современные трансформационные процессы не могут не иметь специфического характера, обусловленного полиэтничностью, поликонфессиональностью населения республики. Если мы представили Дагестан как особую целостную социально-пространственную форму организации производительных сил общества (конкретных индивидов), то в условиях полиэтничности населения социальные и экономические цели оказываются теснейшим образом связанными с этническим здоровьем общества и при правильной политике в совокупности могут обеспечивать целостность такого региона, его этнополитическую безопасность.

Этнополитическая безопасность в свою очередь неразрывно связана с социальной и экономической безопасностью общества, которая может базироваться на положительных последствиях экономических реформ, социальной прочности общественного строя.

«Социальный мир, бесконфликтные социальные отношения в производстве и экономике в целом являются сутью экономической безопасности. Поэтому экономическая безопасность страны сама по себе является социальной задачей» (17.С.63).

Предлагаемое нами введение в научный оборот категории этнополитическая безопасность обусловлено тем, что межэтнические конфликты - одна из главных угроз для XXI века наряду с международным терроризмом, религиозным экстремизмом, экономическим, экологическим, нравственным кризисом, организованной преступностью. Причем эти проблемы носят как внутригосударственный, так и межгосударственный характер.

Мы предлагаем рассматривать этнополитическую безопасность как комплексную систему мер в том числе профилактического характера, направленную на профилактику, предотвращение, разрешение конфликтов (межэтнических, социальных, политических, межконфессиональных) в целях достижения паритета интересов индивида, этнонациональной и социальной общности, общества, многонационального народа и государства в целом. Таким образом, этнополитическая безопасность может быть рассмотрена на уровне страны, региона, республики (или другого субъекта государства), этнической общности, человека. Она предполагает поиск оптимального соотношения детерминации и непредсказуемости граждан и их сообществ как составных элементов социальных систем. На этом сочетании, по-нашему мнению, и должна строиться система этнополитической безопасности.

«Поиски оптимального соотношения между предоставлением необходимой свободы во имя поддержания общественного порядка были и остаются одной из самых сложных, деликатных и актуальных для всех человеческих сообществ социальных проблем»(11 .С. 100).

Формирование благополучного социального и этнополитического пространства, социальная интеграция, совершенствование социальной структуры общества и механизмов социальной защиты населения - основные направления обеспечения социальной безопасности общества. При этом важно обеспечение баланса между социальными и экономическими аспектами безопасности. В условиях же полиэтничного пространства к ним добавляются этнополитические аспекты, подразумевающие меры, направленные на достижение межнационального согласия, гармонизацию межличностных отношений, воспитание толерантности и культуры мира. Источниками угрозы стабильности, а следовательно, и безопасности, как национальной, так и международной, сегодня являются социально неудовлетворенные слои населения,

коррупция, организованная преступность, терроризм, неконтролируемая миграция, социально-экономические, демографические, экологические последствия военных действий, спровоцированных межэтническими конфликтами.

Следует отметить, что современные трансформационные процессы в российском обществе сопровождаются массой негативных последствий, к которым можно отнести социальную поляризацию, массовое обнищание населения, криминализацию политической и экономической жизни, усиление угрозы территориальной целостности страны. К сожалению, Российское государство пока не стало макросубъектом социальных преобразований, достаточно сильным, чтобы обеспечить безопасность социальных трансформаций.

Этнополитическая безопасность республики зависит от целого ряда компонентов, в том числе и от социально-политической стабильности общества. В ходе проведенного Региональным центром этнополитических исследований ДНЦ РАН социологического исследования респондентам был задан вопрос: «Что может, по вашему мнению, в наибольшей степени нарушить социально-политическую стабильность в республике?» Три наиболее часто встречающихся варианта из предложенных ответов были следующие: 1) межнациональные конфликты; 2) усиление проявлений социального неравенства; 3) лишение привычных благ, понижение уровня жизни большинства населения.

Если раньше обеспечение безопасности означало защиту территории от внешнего нападения, то теперь оно включает в себя защиту всего населения и конкретных людей от насилия, порожденного внутри государства. Новые задачи в области обеспечения безопасности заставляют нас подходить к этому вопросу творчески и корректировать наши традиционные концепции с тем, чтобы они больше отвечали потребностям новой эры. Однако один проверенный временем рецепт остается верным как никогда: начинать нужно с предотвращения (Аннан Кофи).

Следует признать, что если в условиях полиэтнической среды всегда найдутся причины для межнациональных конфликтов, то также всегда могут быть найдены возможности не только для их разрешения, но и для предотвращения, профилактики. «Человек самых различных народностей одинаково выражает радость и горе. Значит путь к пониманию открыт»(З.С. 333).

Настоятельной задачей этнополитики в современных условиях и должно стать предотвращение конфликтов межэтнического характера, а значит и обеспечение благоприятных условий для стабильного безопасного развития как представителей всех национальностей, так и конкретных этносов как субъектов этнополитических отношений.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Абдулатипов Р.Г.* Управление этнополитическими процессами и кавказские реалии // Северный Кавказ и Дагестан: современная этнополитическая ситуация и пути ее стабилизации. Махачкала, 2004.
2. *Абдулатипов Р.Г.* Этнополитология. СПб., 2004.
3. *Агни-Йога.* Т. III. М., 1999.
4. *Василенко И.А.* Геополитика. М., 2003.
5. *Малашенко А.* Мусульмане в начале века: надежды и угрозы // Московский центр Карнеги. 2002. № 7.
6. *Малашенко А., Тренин Д.* Время Юга. Россия в Чечне, Чечня в России. М., 2002.
7. *Моисеев Н.Н.* Универсальный эволюционизм // Вопросы философии. 1991. № 3.
8. *Никитин В.И.* Актуальные проблемы межэтнических отношений в современной России // Северный Кавказ и Дагестан: современная этнополитическая ситуация и пути ее стабилизации. Махачкала, 2004.
9. Политология. Краткий словарь / Под ред. В.Н.Коновалова. Ростов-на-Дону, 2001.
10. Российская газета. 7 сентября 2004 г.
11. *Седов Е.* Информационно-энтропийные свойства социальных систем // Общественные науки и современность. 1993. № 5.
12. *Сакунов Э.А.* Чеченский конфликт. М., 1996.
13. Социальное неравенство этнических групп: представления и реальность / Автор проекта и отв.ред. Л.М.Дробижева. М., 2002.
14. Социально-экономическое положение Республики Дагестан. 2004г., январь–август. Махачкала, 2004.

15. Социально-экономические процессы на Юге России в январе–марте 2004г. // Информационно-аналитический материал по Южному Федеральному округу. Ростов-на-Дону, 2004.
16. *Цыганков П.А.* Теория международных отношений. М., 2004.
17. *Яновский Р.* Социальная динамика гуманитарных перемен. М., 2001.